

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Сченснович В.Н.,
научный сотрудник, ИНИОН РАН
ИРАН: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
(Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2019.03.05

***Аннотация.** В XX в. традиционным в Азии стало появление «тройственных союзов» с участием Ирана. На внешнюю политику ИРИ существенное влияние оказали исламизация, геополитизация и глобализация. Исламская составляющая принципа «ни Запад, ни Восток» реализовалась в политике «третьего пути» Ирана как альтернативы союзам под флагом одной из сверхдержав. Для современного мира важное значение имеет стратегическое партнерство Ирана и России в сфере международной и национальной безопасности. Сотрудничество наших стран в Сирии рассматривается исследователями как фактор укрепления мира и безопасности в Ближневосточном регионе.*

***Ключевые слова:** «тройственные союзы»; «треугольник РИК»; Иран; Ирак; Саудовская Аравия; Индия; Китай; Россия; Сирия; США; терроризм; сотрудничество и стратегическое партнерство РФ и ИРИ; «мягкая сила»; «гибридные войны»; безопасность; стратегическая стабильность.*

Введение

В Азии традиционно выделяются «центры силы», или государства, отношения между которыми определяют баланс сил в том или ином регионе. На Среднем Востоке такие центры силы, как Ирак (до 2003 г.), Саудовская Аравия и Иран, образуют стратегический треугольник Ирак – Иран – Саудовская Аравия. В 1990-е годы американскому проекту монополярной глобализации был

противопоставлен проект многополярного мира. Это послужило росту популярности идей по созданию региональных союзов (евразийского, исламского и др.).

Формирование внешней политики ИРИ в начале XXI в. происходило под влиянием исламизации, геополитизации и глобализации. Исламская составляющая принципа «ни Запад, ни Восток» реализовалась в политике «третьего пути» Ирана как альтернативы союзам под флагом одной из сверхдержав. В дипломатии ИРИ это нашло отражение в поиске форматов равного сотрудничества при решении региональных проблем.

«Треугольные альянсы» с участием Ирана

По наблюдению доктора исторических наук, профессора В. Юртаева [6], шахский Иран (до 1979 г.) активно продвигался в Индийском океане вплоть до ЮАР и на глобально-региональном уровне был призван выполнять роль центрального игрока в стратегическом треугольнике – обеспечения безопасности Индийского океана (оставшемся на бумаге: Австралия – Иран – ЮАР). Шахский Иран, совместно с ведущими странами региона, должен был бы обеспечивать развитие, безопасность и оборону стран бассейна Индийского океана как «безъядерной зоны» и в рамках планировавшегося «общего рынка» прибрежных государств Азии, Африки и Океании. Одновременно Иран в системе международных отношений биполярного мира рассматривался США в качестве «жандарма Среднего Востока». Победившая в 1979 г. Исламская революция не изменила озабоченности Ирана (и США) по обеспечению региональной стабильности в целях гарантий поставок нефти, но изменила роли игроков. Поэтому стремление США иметь Иран гегемоном в Персидском заливе исчезло вместе с шахом.

Таким образом, треугольные альянсы с участием Ирана в XX в. инициировались, как правило, на глобальном уровне лидерами биполярного мира, прежде всего США. Исследователь отмечает, что традиционно в фокусе внимания оказывались их геополитическая, т.е. конфликтная, составляющая и направленность. Подобный акцент наблюдался и в других форматах международных отношений – между двумя соседними государствами (Северная и Южная Кореи, Индия – Пакистан, Иран – Ирак и др.), в региональных спорах (на Ближнем Востоке и др.).

В ходе визита 1998 г. в Индию Е.М. Примаков выступил с инициативой формирования «треугольника РИК» (Россия –

Индия – Китай). Треугольник РИК расценивался западными экспертами прежде всего как противовес США и западному влиянию или как стратегическое партнерство против НАТО и радикального ислама, которое могло стать причиной новой холодной войны. Руководители стран группы РИК, наоборот, подчеркивали сходство между Россией, Китаем и Индией, призывая к координации и сотрудничеству во имя укрепления международного мира и безопасности. Ключевое отличие «треугольника Примакова» состоит в его направленности на взаимодействие стран-участниц как равных партнеров.

Победа Иранской революции в феврале 1979 г. означала для США коллапс регионального стратегического баланса. Иран оказался в эпицентре воздействия со стороны США. Вместе с тем после 2001 г. на фоне актуализации проблемы международного терроризма все более заметной стала геополитическая окрашенность внешней политики США и глобализация внешней политики Ирана, Саудовской Аравии и Турции. Геополитизация иранской внешней политики, основные характеристики которой основаны на исторической традиции и специфике географического положения, проявилась в условиях давления со стороны США, особенно после создания военно-политического «навеса» над Ираном в 2001–2003 гг. (Афганистан и Ирак). Тем самым, с одной стороны, в регионе Ближнего и Среднего Востока сформировался новый геополитический треугольник с участием США и включенных пространств Афганистана и Ирака. С другой стороны, возник новый стратегический треугольник «центров силы», в котором место разгромленного Ирака заняла Турция.

Исследователь отмечает, что с распадом СССР иранская традиционная внешнеполитическая концепция балансирования между двумя соперничающими силами (в XIX в. между Россией и Англией, с середины XX в. – США и СССР) стала неприемлема в новом мировом порядке. Во-первых, частично потерял свою актуальность один из главных принципов внешней политики ИРИ – «Ни Запад, ни Восток – Ислам» (исчез Восток). Во-вторых, с ослаблением Ирака теряла смысл традиционная для геополитики XX в. триада «Иран – Ирак – Саудовская Аравия» (как источник проблем и угроз в рамках стратегии «баланса сил»). Наконец, на фоне угроз Ирану, связанных с военными заявлениями Израиля и «военным навесом» США на иранских границах, проблема безопасности приобретала глобальное измерение. Неудивительно, что Тегеран начал рассматривать региональные риски в широком

стратегическом контексте. Оказавшись лицом к лицу с США и находясь в ситуации международной изоляции, религиозное руководство Ирана взяло курс на решение проблемы безопасности через включение страны в состав крупного регионального объединения, статус члена которого давал бы защиту от внешнего давления. Одновременно предполагалось найти решение для вхождения Ирана в континентальное сотрудничество, что было необходимо для восстановления национальной экономики.

Глобальная ориентированность и многослойность внешней политики отражали направленность шиитского Ирана на роль регионального лидера нового типа в условиях меняющегося мира. Внешнеполитические амбиции Ирана вписываются в современную трактовку регионального лидерства. Такой лидер, как представляется, должен быть вовлечен на паритетной основе в реализуемые мировым сообществом проекты глобального масштаба.

Стратегическое партнерство Ирана и России

Доктор исторических наук, профессор МГЛУ Л.Г. Ивашов [2] сосредоточил внимание на стратегии взаимодействия Москвы и Тегерана в сфере международной и национальной безопасности. По убеждению исследователя, стратегическое взаимодействие предполагает:

- согласованную оценку мировой (региональной) ситуации и тенденций ее развития;
- желаемую модель мироустройства и стратегию строительства будущего мирового порядка;
- близкую или совпадающую систему доминирующих жизненных принципов и духовных ценностей;
- общее понимание и признание системы международной безопасности, основанной на принципах Устава ООН;
- взаимодействие и взаимопомощь в укреплении государственности и безопасности друг друга.

Автор отмечает, что Россия и Иран имеют опыт такого взаимодействия как на региональном, так и на международном уровнях. РФ и ИРИ, прежде всего военные и спецслужбы, совместно и эффективно работали в 1990-е годы по Афганистану против талибов, поддерживая А. Масуда, остановили массовую резню и стабилизировали обстановку в Таджикистане в 1992–1993 гг., взаимодействовали в уничтожении терроризма в Чечне.

Результаты взаимодействия РФ и ИРИ по другим направлениям:

- не позволили реализовать план США по установлению контроля над Евразией;
- предотвращены попытки государственных переворотов в Таджикистане, Узбекистане, Казахстане;
- сорван план США и НАТО поставить на Южном Кавказе проамериканские режимы и ввести войска в зону Каспия;
- предотвращена вооруженная агрессия против ИРИ;
- организована совместная защита Сирийского государства;
- США не удалось установить полный контроль на БВ.

Россия и Иран остановили серийное уничтожение государств на БВ и изменили геополитическую и военно-стратегическую ситуацию в регионе. Автор показывает геополитические результаты действий группировки российских ВКС и иранских ВС в Сирии:

- изменение геополитической карты БВ и соотношения сил в регионе;
- создание предпосылок для восстановления исламской цивилизации и ее арабского ядра;
- запуск процесса возвращения беженцев и восстановления государственности;
- формирование условий для переговорного процесса и политического урегулирования конфликта;
- повышение геополитического статуса и международного престижа России;
- возвращение РФ на БВ в качестве ведущего игрока;
- изменение соотношения сил между Западом и Востоком.

Это позитивный задел российско-иранского стратегического взаимодействия, однако требуется наращивание усилий, так как мировая ситуация усложняется.

Исследователь дает экспертную оценку перспективам развития современного мира. Тенденции мирового развития к началу XXI в.: провалились попытки построения однополярного миропорядка; мир не воспринял диктат военной силы, экономическое господство США поколеблено, доллар перестал быть единственной мировой резервной валютой; западная система стандартов не воспринята в качестве универсальных ценностей; мир обретает контуры цивилизационной многополярности; наступает эра цивилизаций восточного типа; США имеют решающее превосходство в военной силе и стремятся его использовать для сохранения глобального доминирования; Китай стал первой экономикой мира и

устанавливает контроль над мировыми стратегическими коммуникациями и глобальными ресурсами. Однако Вашингтон пытается сохранить прежний однополярный, американоцентричный миропорядок, опираясь на превосходство военной силы и отрицание международно-правовой системы безопасности. За Д. Трампом стоят умеренные политические силы, готовые признать многополярность мировых процессов, но сделать ставку на операции «мягкой силы». Но и они не менее, а иногда более, опасны, чем прямая военная агрессия, подчеркивает исследователь.

Сегодня обозначились контуры миропорядка XXI столетия. Это Евразийский союз – Шанхайская организация сотрудничества – группа стран БРИКС. Они стали своего рода ответом на попытки монополизации мировой и региональной власти транснациональными корпорациями и теневыми структурами мирового финансового капитала. Государства, большинство из которых покорены ТНК, объединяются в мировые и локальные цивилизации. И в этом процессе слабо представлен мир ислама. По мысли Л. Ивашова, РФ и ИРИ могли бы предложить в международном и региональном масштабе в рамках стратегического взаимодействия:

- Совет цивилизаций при ООН. Переформатировать СБ ООН, где постоянными членами СБ будут представители мировых этнокультурных цивилизаций;

- геополитическую доктрину мира цивилизаций XXI в.;

- стратегию взаимодействия РФ и ИРИ в строительстве многополярного миропорядка;

- программу восстановления мира и государственности на БВ.

Кандидат военных наук В.В. Карякин (военный университет МО РФ) [3] рассматривает российско-иранское стратегическое партнерство как фактор международной безопасности. Иран и Россия занимают центральные геополитические позиции на Евразийском континенте, обладая стратегически важными природными, демографическими и экономическими ресурсами, а также значительным военным потенциалом. Иран и Россия имеют общую морскую границу, проходящую по Каспийскому морю, которое богато углеводородными ресурсами, что создает хорошие перспективы для сотрудничества в данной области. Российско-иранские интересы распространяются на Закавказье, ЦА и Афганистан.

В государствах ЦА, появившихся в результате распада СССР, растут националистические настроения и поднимают голову движения радикального ислама, что создает угрозу региональной безопасности. ИРИ приобрела статус региональной державы

как участник антитеррористической коалиции во главе с Россией, что значительно усиливает ее позиции в исламском мире.

Сегодня, отмечает автор, Иран занял лидирующие позиции на БВ благодаря экономическому росту, продолжающемуся вопреки западным санкциям, а также освоению ядерных технологий, что сделало его фактически десятым членом мирового ядерного клуба. В июле 2015 г. Иран и «шестерка» международных переговорщиков (группа из представителей Великобритании, Франции, России, Германии, США и КНР) подписали историческое соглашение. В обмен на контроль международного сообщества над развитием иранской ядерной программы с Тегерана сняли санкции, наложенные в рамках резолюций СБ ООН в 2006–2012 гг. Москва внесла немалый вклад в переговорный процесс по ядерному досье Ирана, который завершился успешно. Страны «шестерки» понимали, что соглашение изменит расклад сил на «большом» Ближнем Востоке. При этом они, рассматривая сценарии развития событий, были уверены в том, что Иран не откажется от своей региональной стратегии по поддержке шиитов в Сирии и Ираке. Стороны переговорного процесса учитывали, что достижение конкретных договоренностей ведет не только к отмене действующих против Ирана санкций, но и к новой расстановке сил на БВ. Санкции Запада против Ирана имели целью через разыгрывание «карты» его ядерной программы оказать давление по вопросам прав человека, демократизации режима и отказа от спонсирования терроризма.

Россия является инициатором включения Ирана в переговорный процесс, касающийся сирийского урегулирования. США не выступили против этого, хотя подключение к переговорам таких региональных соперников как Иран и Турция затруднит подписание приемлемого соглашения. Но в будущем ситуация может резко измениться. Если сегодня весомым основанием для сближения Москвы и Тегерана является общность их взглядов по сирийской проблематике и противостояние Западу, прежде всего США, то завтра всё может выглядеть иначе. Если Москве и Тегерану не удастся добиться своих военно-политических целей в Сирии и ее стратегическая ценность будет девальвирована, то Иран может отказаться от конфронтации с Западом в ущерб отношениям с Россией. Поэтому российско-иранские отношения в долгосрочной перспективе сложно прогнозировать, считает В. Карякин.

России, как и другим экспортерам углеводородов, было бы выгодно сохранение статус-кво в отношении Ирана, подчеркивает

исследователь. Санкции консервировали бы возможности потенциального конкурента России в лице Ирана на мировом энергетическом рынке. В частности, на Каспии лучше было бы иметь дело с Азербайджаном, чем с Ираном, региональная мощь которого после снятия санкций возрастет.

По состоянию на текущий момент получило «второе дыхание» российско-иранское политическое, экономическое и военнотехническое сотрудничество. Среди наиболее значимых проектов следует отметить реализацию транспортного коридора «Север – Юг», который может стать хорошим дополнением китайского Шёлкового пути и свяжет Индию, Иран и, возможно, Пакистан с Казахстаном, Россией, Белоруссией, Таджикистаном, Турцией, Арменией и Азербайджаном. Другим важным проектом стало строительство судоходного канала, который соединит Каспийское море с Персидским заливом. Ожидается, что к этому проекту присоединится Россия. Прогнозируемая стоимость проекта оценивается в 7 млрд долл. Завершить его планируется в 2030 г. Благодаря ему страны, выходящие к Каспийскому морю, – Азербайджан, Казахстан, Туркмения, Россия, Иран – смогут транспортировать нефть и природный газ водным путем. Этот канал имеет стратегическое значение для России, потому что создает кратчайший выход в бассейн Индийского океана. Прямой выход в океан получают также и все страны, имеющие выход в закрытое Каспийское море. Благодаря иранскому судоходному каналу российские военные корабли смогут выходить в южные моря без использования турецких проливов.

Соединение Каспия с Персидским заливом имеет большое геополитическое значение, так как будет сформирован меридиональный транспортный коридор в дополнение нового китайского Шёлкового пути. Строительство иранского судоходного канала уменьшит стоимость транспортировки грузов более чем на 20% по сравнению с перевалкой грузов по Суэцкому каналу. И этот проект уже реализуется, так как Россия и Иран создали объединенное морское пароходство с возможностью транспортировки грузов до 4 млн т в год. В стадии проработки находится также сухопутный транспортный коридор «Север – Юг», который представляет собой железнодорожную линию по западному побережью Каспия, что позволит везти грузы транзитом через Азербайджан, затем автомобилем или железнодорожным путем в Иран до южно-иранского портового города Бендер-Аббас на берегу Персидского залива и дальше морем в индийский Мумбай. В целом транспортный

коридор «Север – Юг» – маршрут от Санкт-Петербурга до Индии, порта Мумбаи (Бомбей), – будет иметь протяженность 7,2 тыс. км. Его разрабатывают для транспортировки грузов из Индии, Ирана и других стран Персидского залива по Каспийскому морю через российскую территорию и далее в Северную и Западную Европу.

Проекты новых транспортных коридоров, отмечает автор, важны для реализации планов Ирана и России по наращиванию торгового оборота. Ирану интересно, прежде всего, закупать российское зерно. В будущем возможно расширение номенклатуры поставок. По железной дороге можно перевозить продукты питания, а также промышленные грузы, нефть и нефтепродукты.

Перспективы российско-иранского военно-технического сотрудничества (ВТС) определяются не только внутренней мотивацией сторон продвинуть свои отношения на качественно иной уровень. Существует ряд глобальных и региональных факторов, подталкивающих Москву и Тегеран к крепким военно-политическим связям и развитию отношений в сфере ВТС. Две крупнейшие державы Каспия оказались под схожим санкционным прессом Запада. По мысли исследователя, если мы хотим обеспечить региональную безопасность и стабильность, то нужно решать эти вопросы без привлечения западных партнеров. Для этого необходимо создавать региональные блоки и на региональном уровне разрешать конфликтные ситуации.

Иран предлагает России новый уровень военно-технического сотрудничества – совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, которые до этого Россия вела только с Китаем. Тегеран стремится не только к роли покупателя российского оружия, но и к равноправному партнерству с Россией в НИОКР и модернизации вооружений. Санкции Запада нанесли чувствительный урон иранской экономике. С ростом санкций в Иране крепло осознание необходимости создания собственной оборонно-промышленной отрасли. С начала 2000-х годов иранское руководство поставило задачу повысить научно-технический потенциал страны, направив часть усилий в область военных разработок, развитие оборонной промышленности. За последние годы появились собственные разработки военно-воздушной и военно-морской техники, высокотехнологичных средств ведения боевых действий (беспилотные летательные аппараты, баллистические ракеты). Иран не отказывается от сотрудничества с зарубежными партнерами. Он идет на закупки той оборонной продукции, самостоятельное производство которой не представляется осуществи-

мым в ближайшей перспективе. К такой продукции относятся системы противовоздушной и противоракетной обороны дальнего радиуса действия.

В целом, отмечает автор, вопрос российско-иранского сотрудничества в военной сфере следует рассматривать прежде всего в рамках политики безопасности, которую РФ проводит на Ближнем и Среднем Востоке. Иран не состоит в региональных системах коллективной безопасности, является сторонником решения всех проблем исключительно силами региональных государств. Внеблоковый статус Ирана, его настрой на двустороннее развитие отношений с зарубежными партнерами создают благоприятную почву для налаживания тесной оружейной кооперации Москвы и Тегерана, подчеркивает В. Карякин. РФ видит в ИРИ стратегического партнера, способного создать благоприятные условия для обеспечения региональной безопасности на основе баланса сил на Среднем и Ближнем Востоке для сдерживания геополитических амбиций Турции и Саудовской Аравии.

По мысли исследователя, Россия и Иран хорошо дополняют друг друга в политическом плане. Такой союз является серьезной проблемой для США и их союзников. Вместе с тем в отношении Сирии наши страны придерживаются различных стратегий. Если для России военная операция в Сирии – часть глобального плана по созданию многополярного мира, в котором Россия станет одной из ведущих держав, то цель Ирана заключается в укреплении власти шиитов на территории Ближнего и Среднего Востока. Помимо этого, Россия пытается укрепить позиции своей военно-морской базы в Сирии, которая обеспечивает выход к Средиземному морю.

Стратегические цели в Сирии у России и Ирана разные. Это объясняется тем, что в РФ численность шиитов невелика (в РФ проживают 15–20 млн мусульман, не считая нелегальных мигрантов; около 3 млн из них составляют шииты). Но ближайшие тактические цели совпадают. Это борьба с международным терроризмом.

Сотрудничество России и Ирана в Сирии

Доктор исторических наук, профессор МГЛУ А. Вавилов [1] отмечает, что Россия неоднократно предупреждала западных политиков о взрывоопасности противоправного силового вмешательства извне во внутренние дела Ирака, Ливии, Сирии, Йемена не

только для региональной, но и глобальной стабильности и безопасности. Однако эти призывы в западных столицах и в Вашингтоне услышаны не были. Руководствуясь своими узкополитизированными геостратегическими интересами, западные державы во главе с США и их некоторые региональные партнеры грубо нарушили суверенитет ближневосточных государств, подорвали и ослабили их государственные и военные структуры, что превратило регион в очаг международного терроризма, угрожающего всеобщему миру и безопасности.

России и ее союзникам пришлось принимать кардинальные меры для исправления ситуации и нейтрализации опасных последствий иностранного вмешательства в дела ближневосточных государств. Сейчас ее главные усилия сконцентрированы на поисках политического урегулирования кризиса в Сирии, принесшего ее народу неисчислимые беды и страдания. Москва исходит из недопустимости навязывания народу Сирии каких-либо рецептов извне, из неприемлемости для поисков развязок многочисленных конфликтных узлов, порочной практики «геополитической инженерии», далекой от учета чаяний страдающего мирного населения, попыток смены неугодных режимов, в том числе силовым путем.

С самого начала сирийского кризиса Россия неизменно выступала за его исключительно мирное решение при уважении суверенитета, единства и территориальной целостности этой древней страны. Ведь не существует альтернативы политическому процессу, опирающемуся на взаимоуважительный, инклюзивный, без предварительных условий межсирийский диалог при параллельном обеспечении режима прекращения боевых действий, расширении и повышении гуманитарного доступа, наращивании эффективности борьбы с терроризмом. В Москве и Тегеране единодушно выступают за немедленное прекращение подпитки террористов извне, за возобновление инклюзивного внутрисирийского диалога при содействии ООН в соответствии с международно-правовой базой. Для оказания действенного отпора «террористическому интернационалу», по мысли А. Вавилова, необходимо объединение всех сил мирового сообщества при отказе от политизированного деления боевиков и оппозиционеров на «плохих» и «хороших» в надежде использовать последних для решения своих узкокорыстных задач.

Россия и Иран будут последовательно выступать за неукоснительное соблюдение Устава ООН и норм международного права, за ограждение суверенитета государств и народов от попыток

навязать им чужеродные рецепты «демократизации» и «свободы», заключает А. Вавилов.

Проблемы стратегической стабильности в начале XXI столетия

Как отмечают А. Орлов, директор Центра исследований ООН, и В. Мизин, ведущий научный сотрудник МГИМО [4], расширение НАТО на Восток, односторонний выход США из бессрочного Договора по ПРО от 1972 г. и запуск вместо этого программы создания региональных систем ПРО, развязанные западным альянсом (при заглавной роли Вашингтона) под лозунгом «демократической экспансии» агрессии в ряде «горячих точек» планеты, прежде всего на Ближнем Востоке, и набирающая обороты гонка вооружений, подпитываемая астрономическим военным бюджетом США (707 млрд долл. – в 2018 г.), явились следствием псевдотеоретического постулата о том, что США и их союзники могут делать в мире все, что им заблагорассудится, а все остальные государства должны принять это как должное. В наше время стратегическая стабильность не сводится исключительно к концепциям ядерного противостояния. Сегодня поддержание стратегической стабильности – это, скорее, выстраивание такой системы миропорядка, которая способна уберечь отдельные регионы (в данном варианте – Россию и Евразию), а также мир в целом от крупных вооруженных конфликтов и стратегических вызовов, угрожающих интересам всех стран в случае возникновения политического кризиса. Одним из заметных проявлений развития американской стратегии стала концепция так называемых «гибридных войн». Речь идет об использовании для достижения геополитических интересов всех возможных средств воздействия, включая инструменты «мягкой силы», информационные диверсии, подрывную работу, организацию «цветных революций», информационные вбросы через СМИ и Интернет и т.п.

По мысли исследователей, США, Западная Европа, НАТО нуждаются в новой «восточной политике» не в меньшей степени, чем Россия нуждается в нормализации отношений с Западом. В основе разрядки должно лежать общее стремление к преодолению нынешнего «пика напряженности», которая является неестественным состоянием международных отношений в XXI в. Однако приходится констатировать, что «пик напряженности» не пройден до сих пор. Существующую систему стратегической стабильности

подорвет выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). В последние десятилетия, отмечают авторы статьи, появились дополнительные факторы агрессии, своего рода новая «философия войны», которые следует учесть в современной концепции стратегической стабильности. Помимо новых видов и систем оружия массового уничтожения (ОМУ), к ним в первую очередь необходимо отнести киберугрозу, перенос гонки вооружений в космос и экономическую войну. Человечество, делают вывод авторы, переживает сегодня один из критических моментов своей истории. Без сохранения и укрепления стратегической стабильности, которая представляет собой совокупность военно-политических факторов безопасности и норм ответственного, цивилизованного поведения ведущих государств мира, немыслимо поступательное развитие нашей цивилизации.

Замминистра иностранных дел России С.А. Рябков [5] подчеркивает, что планы нанесения американских ударов существуют в отношении всех стран, которые не входят в перечень союзников, единомышленников или партнеров США. Главным на «восточном» направлении политики США становится консолидация «антииранского фронта». Ставится задача общего ослабления иранских позиций на БВ. Затеваются разного рода конференции, другие мероприятия, придумываются антииранские форматы. Совокупность факторов говорит о том, что ситуация вокруг Ирана, скорее всего, будет осложняться, но все-таки есть надежда, что здравый смысл победит и обойдется без новых военных авантур. Иран давно живет и будет жить в условиях санкций. Россия сотрудничает с Ираном в противодействии американской политике диктата и эффективно взаимодействует с ним в качестве одного из государств-гарантов по сирийским делам.

Заключение

В 1990-е годы фактически складывается треугольная дипломатия Тегерана. Идея создания стратегического треугольника Иран – Китай – Россия была высказана в 1997 г. президентом ИРИ А.А. Хахеми-Рафсанджани, решавшим проблему выхода страны из международной изоляции. Оценивая усилия Тегерана, наблюдатели в 2007 г. сделали предположение о возникающем стратегическом альянсе на Ближнем Востоке по оси Тегеран – Багдад – Дамаск. После прихода к власти исламских сил в Египте в 2011 г. ученые начали обсуждать перспективы египетско-ирано-турецкого

треугольника. Во второй декаде XXI в., вслед за присоединением России к международным усилиям в противодействии Исламскому государству (ИГ) в Сирии, эксперты стали называть новые возможные стратегические треугольники, среди которых – «сирийский» треугольник Иран – Россия – США. В рамках стратегического «треугольника РИК» российские ученые отмечали ключевую роль России как связующего и координирующего звена, как позитивного объединяющего центра, арбитра (в отношениях Индии с Китаем) и торгово-экономического партнера. Найденный Е.М. Примаковым формат стратегического треугольника сработал не только в варианте РИК, но в середине 2010-х годов стал одним из самых распространенных форматов, вокруг которых происходит структурирование новой системы международных отношений в Азии.

Среди актуальных направлений во внешней политике ИРИ на рубеже XX–XXI вв. исследователи отмечают также проблему расширения отношений со всеми государствами ССАГПЗ, вхождения в регион ЦА (среднеазиатские республики бывшего СССР), поиск путей решения Каспийской проблемы (нефть, экология, безопасность). В результате этих усилий к середине 1990-х годов Иран вышел на активный диалог со странами Юго-Западной Азии, предлагая различные форматы сотрудничества. Сформировалась многосторонняя проблемная дипломатия Ирана, квинтэссенцией которой стала в начале XXI в. атомная дипломатия Ирана.

Сотрудничество России и Ирана на сирийском направлении предотвращает разрастание нестабильности. Дамаск высоко оценивает содействие РФ и ИРИ в борьбе с терроризмом и экспансионизмом внешних сил. Москва и Тегеран глубоко озабочены тяжелой гуманитарной ситуацией, возникшей в результате разгула в Сирии террористов при покровительстве извне, и готовы активно взаимодействовать с правительством САР, сирийским обществом Красного Полумесяца и соответствующими структурами ООН для оказания помощи измученному изнурительной войной населению этой страны.

Россия и Иран будут и в дальнейшем последовательно выступать за неукоснительное соблюдение Устава ООН и норм международного права, за ограждение суверенитета государств и народов от попыток навязать им чужеродные рецепты «демократизации» и «свободы», подчеркивают исследователи.

Литература

1. *Вавилов А.И.* Сотрудничество России и Ирана в поисках политического урегулирования в Сирии как фактор укрепления мира и безопасности в Ближневосточном регионе // *Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: Материалы Международной научно-практической конференции 19 октября 2016 г.* – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. – С. 99–103.
2. *Ивашов Л.Г.* Роль стратегических отношений России и Ирана в современном мире // Там же. – С. 8–11.
3. *Карякин В.В.* Российско-иранское стратегическое партнерство как фактор международной безопасности // Там же. – С. 83–98.
4. *Орлов А., Мизин В.* Проблемы стратегической стабильности в начале XXI в. // *Международная жизнь.* – М., 2019. – № 2. – С. 66–81.
5. *Рябков С.А.* Откровенный разговор о войне и мире // Там же. – С. 12–36.
6. *Юртаев В.И.* Особенности региональной дипломатии Ирана в начале XXI века // *Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: Материалы Международной научно-практической конференции 19 октября 2016 г.* – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. – С. 30–35.

*Обзор написан специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир»*

2019.03.005. **Делавари А. УРОКИ ИСТОРИИ:
ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ИРАНА.
(О необходимости перехода к много-
векторным и симметричным отношениям) //**
*Сотрудничество России и Ирана в политической,
экономической и культурной областях как фактор
укрепления мира и безопасности в Евразии:
Материалы Международной научно-практич. конф.
19 октября 2016 г., М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017.
С. 37–43.*

Ключевые слова: *Россия; Иран; многовекторные отношения.*

Делавари А.,
доктор (Университет им. Алламе Табатабаи, Иран)

Как отмечает исследователь, отношения России и Ирана на протяжении длительного периода часто были односторонними, несимметричными и носили тактический характер. В первые десятилетия XIX в. две страны вели войны, которые закончились тем,